

Тезисы к четвертой теории

Ален де Бенуа

Введение в *Против либерализма: к четвертой политической теории*

Либерализм — это главный враг. Во-первых, потому, что он все еще здесь, тогда как коммунизм и фашизм исчезли, а также потому, что он сохраняет некоторое могущество в планетарном масштабе. Немецкий мыслитель Артур Мюллер Ван Ден Брук утверждал — «либерализм убивает народы». Его финальная цель — установить общество, которое будет только рынком

XX век стал веком трех доминирующих политических теорий — либерализма, коммунизма и фашизма. Они породили множество промежуточных идеологических течений, но в целом три этих направления сложились, развились, исчерпали свою историческую релевантность и завершились именно в прошлом веке.

Сегодня мы действительно подошли к тому рубежу, когда три предыдущие политические теории почти полностью исчерпали себя. Интересно, что теории, которые появились позже, раньше других исчезли. Фашизм, появившись позже всех, погиб быстрее остальных. Потом коммунизм. Либерализм — самая старая из трех этих теорий — исчезает последним. Интересно также заметить: то, что провоцирует конец политической теории, часто является тем же, что спровоцировало ее рождение. Например, фашистские идеологии появились в связи с войной и исчезли также в связи с войной. Либерализм может быть определен в целом как денежная система, и мое глубокое убеждение состоит в том, что эта система исчезнет из-за денег. Кроме того, все три системы родились вместе с модерном. И совершенно нормально, что они исчезают со сцены в то время, когда модерн уступает место постмодерну.

Определение либерализма как главного врага

Либерализм — это главный враг. Во-первых, потому, что он все еще здесь, тогда как коммунизм и фашизм исчезли, а также потому, что он сохраняет некоторое могущество в планетарном масштабе. Я бы хотел напомнить, что в стратегическом плане главный враг это не всегда тот, кого мы более всего ненавидим. Это просто враг, который наиболее могуществен. Либерализм является антропологической системой даже в большей степени, чем социально-экономической. То есть он предлагает определенное видение человека. Каково это видение?

Оно заключается в том, что человек рассматривается как отдельный атом. Либерализм анализирует общество, исходя из индивидуума. И он может это сделать, только отнимая у человека все структуры, в которые он входит. Можно сказать, либеральное представление о человеке, либеральная концепция человека — это его представление как не-социального существа. В основе либеральной теории лежит идея общественного договора, заключенного индивидами, исходя из частных интересов. Связанное с этим упрощающее определение человека обусловлено в истории европейских стран с поднятием класса

буржуазии, ценности которой были противоположны одновременно ценностям аристократическим и народным. В этой перспективе индивидуум утверждает себя в ущерб коллективу.

Провозвестник либерализма Адам Смит утверждал, что у торговца нет родины, он может поселиться в любой стране. Родина там, где он умножает свою прибыль. Таким образом, распространение либерализма исторически шло рука об руку с разрушением коллективных структур, естественных сетей взаимопомощи.

Немецкий мыслитель Артур Мюллер Ван Ден Брук утверждал — «либерализм убивает народы». Его финальная цель — установить общество, которое будет только рынком. В таком обществе коммерческие, торговые ценности становятся единственными, а ценности, которые невозможно свести к какому-то расчету, становятся несуществующими, они исчезают. Можно вспомнить известную формулу, согласно которой общество рынка — это царство количества. Только количества. К этому можно прибавить и некую тенденцию к скрытой или слабо протекающей гражданской войне, которая особо просматривается в социальном дарвинизме, где индивидуумы больше не связаны между собой. Они всегда находятся в состоянии войны по отношению друг к другу, поскольку другой — всегда потенциальный конкурент и, значит, потенциальный враг.

Это экономическое видение человека имеет также моральное и юридическое обоснование, которым является идеология прав человека, ставшая сегодня некой современной религией.

Есть три причины, по которым можно оспорить идеологию прав человека.

Во-первых, она использует концепцию права, которое не соответствует тому, чем право было изначально. Изначально право определяется как соотношение справедливости и равенства. Право неразрывно связано с понятием отношений. Право указывает, что и кому должно принадлежать в рамках отношений между людьми. Это объективное право. В начале эпохи модерна, то есть в конце Средних веков, появляется другая концепция права — право в субъективном смысле, когда право перестает быть только отношением, только соотношением, чтобы стать атрибутом индивидуальной природы индивидуума. Либеральное право говорит, что у каждого человека имеются индивидуальные «естественные права», обусловленные самой человеческой природой.

Более того, идеология прав человека, несмотря на то, что она претендует на универсальность, является на самом деле глубоко этноцентричной, поскольку она опирается на такую антропологию, которая соответствует лишь определенному историческому моменту в истории Запада, но вовсе не соответствует понятию о человеке в традиционных обществах.

Наконец, главная цель идеологии прав человека — защита свобод, это цель, которую я совершенно не оспариваю, но ее невозможно достигнуть через экономические или юридические процедуры. Она может быть достигнута лишь через глубоко политические процедуры. Защищать свободы — это политическая цель, которая требует политических средств для того, чтобы быть достигнутой.

Переосмысление коллективной идентичности

Вырабатывая идеологию четвертой политической теории, необходимо осуществить положительное переосмысление коллективной идентичности, которую можно противопоставить «потере корней», характеризующей эпоху модерна. Царство капитала требует все более и более гомогенного, однородного рынка и как следствие — уничтожения, подавления коллективной идентичности, народных культур и разнообразия форм жизни. Также идеология прогресса, которая была одним из двигателей модерна, участвует в этом растворяющем акте. Идеология прогресса утверждает, что прошлое не имеет ничего интересного, ему нечего нам сказать. Поскольку то, что является новым, является лучшим просто потому, что оно новое. «Сегодня» всегда лучше, чем «вчера», и «завтра» лучше, чем «сегодня».

Я бы сказал, что защита укорененности в традиции — одновременно защита разнообразия. Перед лицом тех, кто хочет создать единый, однородный мир, нужно снова утвердить легитимность различий. То есть легитимность идентичностей, которые были бы не только индивидуальными, но прежде всего коллективными. В современном мире вопрос идентичности стал одной из главных проблем: огромное число людей не знают, что им делать, потому что они не знают, кто они есть. Но было бы ошибочно рассматривать идентичности как некие сущности, которые никогда не меняются. Во-первых, нужно вспомнить, что у традиций тоже было начало, то есть что изначально традиции не были традиционны, и потому не следует путать защиту традиций с «реставрационизмом».

Каждое поколение должно поддерживать свое наследие, но оно должно также актуализировать это наследие. Оно есть некая форма коллективного повествования, коллективной истории, которая все время преобразуется, но всегда остается верной себе. Иначе говоря, идентичность — это не то, что никогда не меняется, но то, что определяет нашу специфическую манеру изменяться, то, что нам позволяет изменяться, но оставаясь самими собой. Также идентичности не должны быть защищаемы в каком-то шовинистическом плане, на истерический манер. Враг, неприятель нашей идентичности — это не идентичность другого. Враг нашей идентичности — это идеологическая система, которая разрушает все идентичности.

Служение народу

В большинстве западных стран сегодня власть принадлежит тем, кого можно назвать «новым классом», и этот новый класс выходит далеко за пределы старой номенклатуры, он составляет арматуру политической и экономической элиты, а также средств массовой информации. Это люди, власть которых очень редко проистекает от демократической легитимности. Народ не узнает себя в этой власти. Отсюда — кризис представительных институтов. И более того, эта власть боится народа. Она рассматривает народ как опасность, потому что народ непредсказуем для нее.

Чтобы определить общий дух народа, великий английский писатель Джордж Оруэлл использовал выражение *common decency* (буквально: общее благоприличие). Что такое *common decency*? Это совокупность естественных ценностей, которые признают народы, которые остались верными сами себе, — смысл сознания чести и сознания стыда. Чувство бескорыстия и чувство незаинтересованности, чувство солидарности. Может быть, это коллективный здравый смысл? Нет, это не здравый смысл. Скорее, чувство собственного

достоинства. Причем общего достоинства. Сейчас оно имеет тенденцию к исчезновению, особенно быстро этот процесс происходит в странах Западной Европы, где мы наблюдаем растворение социальных связей, десоциализацию индивидов.

Один из способов помешать этому растворению состоит в том, чтобы опять дать слово народу. Это, в частности, означает, что следует скорректировать ошибки представительной демократии, либеральной демократии — демократией участия, демократией, которая была бы более демократией всеобщего участия. Нужно дать людям возможность решать как можно больше те проблемы, которые их касаются. Демократия всеобщего участия — более прямая демократия, более базовая, более непосредственная. Это такая демократия, в которой решения должны приниматься наверху только тогда, когда они касаются больших коллективов, когда они не могут быть приняты на более низких уровнях.

Реабилитация политики

Мы живем в экономическую эру. Либерализм является доктриной, которая в конкретной жизни нейтрализует политическую волю. Жители больше не являются гражданами, они являются потребителями. И сфера, в которой проистекает политическая деятельность, заменяется сферой средств массовой информации, в которой царствуют развлечения. Как следствие политические проблемы воспринимаются здесь как проблемы технические. И поскольку это технические проблемы, то считается, что есть только технические решения и, более точно, что есть только одно решение. То есть здесь упраздняется одно из главных измерений политики — множественность возможных выборов. Политика — это не техника и не наука. Это искусство, которое нужно осуществлять с большим тщанием. Здесь нужна бдительность, которую греки называли «фронесис» (буквально: рассудительность) и которую они считали противоположной «гибрис» (буквально: нахальство), то есть манипуляции. Общее благо, благо коллектива, есть нечто превышающее благо каждого отдельно взятого индивида. Но с точки зрения либерализма не существует общего блага. Реабилитировать политику — это значит выйти из одержимости экономикой, деколонизировать символическое воображение, которое колонизировано количественными, коммерческими ценностями. То есть освободиться от идеи, что рынок является парадигмой всех социальных фактов.

Однообразие или многообразие

Из служения народу следует «защита дела народов». Защищать народное дело — это значит защищать разнообразие, которое является основным богатством человечества. Сделать так, чтобы новые поколения передали следующим преумноженные богатства предыдущих. Более конкретно вопрос состоит в том, движемся ли мы по направлению к однополярному миру или к многополярному. Однополярный мир был бы миром обедневшим, миром без различий, в котором бы закрепилась гегемония мировой державы — Соединенных Штатов. Наоборот, многополярный мир — это мир, организованный большими блоками культур и цивилизаций, где каждый полюс является полюсом регулирования глобализации. Конечно, геополитика диктует нам расположение этих полюсов. Геополитика тесно связана с тем, что немецкий юрист Карл Шмитт называл номосом (буквально: законом) мира, номосом Земли. Шмитт утверждал, что до нынешнего дня было три номоса Земли.

Первый номос — это номос древности и Средневековья, где цивилизации живут в некоторой изоляции одна от другой. Иногда бывают попытки имперского соединения, как, например, империи Римская, Германская, Византийская. Этот номос исчезает с началом модерна, когда появляются современные государства и нации, в период, который начинается в 1648 году с Вестфальского договора и который завершается двумя мировыми войнами — номос государств-наций.

Третий номос Земли соответствует биполярному регулированию во время холодной войны, когда мир был разделен между Западом и Востоком, этот номос окончился, когда пала Берлинская стена и был разрушен Советский Союз. Вопрос заключается в том, каким будет новый номос Земли, четвертый. И здесь мы подходим к теме четвертой политической теории, которая пытается родиться. Это и есть четвертый номос Земли, который пытается появиться. Я думаю и глубоко надеюсь, что этот четвертый номос Земли будет номосом большой континентальной логики Евразии, евразийского континента, то есть номосом борьбы между континентальной державой и морской державой, морским могуществом, которое представляют Соединенные Штаты.